

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

Арктика и Север. 2025. № 59. С. 82–99.

Научная статья

УДК 316.347(470.1)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.59.82>

Конфигурация доминирующих идентичностей на Северо-Востоке России: к вопросу о цивилизационной специфике Российского государства

Васильева Ольга Валерьевна^{1✉}, кандидат политических наук, старший научный сотрудник

¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, ул. Петровского, 1, Якутск, Россия

¹ Ovasileva.igi@mail.ru ✉, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9992-4163>

Аннотация. В статье публикуются результаты исследования, посвящённого анализу доминирующих идентичностей, позиции населения в отношении к гражданскому и региональному патриотизму. Рассмотрены теоретические подходы к анализу проблемы взаимосвязи между понятиями «нация» и «патриотизм», а также в контексте этой идеи связи конфигурации доминирующих идентичностей с формами государственных образований. В статье представлены результаты анкетного опроса населения, проведённого весной 2024 г. в двух национальных регионах России — Республике Саха (Якутия) и Чукотском автономном округе. Выявлена иерархия идентичностей, результаты исследования показали, что наиболее значимой для населения обоих регионов оказалась российская идентичность. Региональный патриотизм в большей мере присущ этническим группам, исторически проживающим на данных территориях, однако в регионах исследования выявлены отличия. В Якутии этническая идентичность респондентов якутской национальности актуализирует значимость не этнической, а региональной идентичности, на Чукотке у чукчей эта тенденция не проявлена. Сделано предположение, что цивилизации в современном мире представляют собой особую структуру взаимодействия идентичностей людей, которые в неё входят. Спецификой российской цивилизации является то, что в полиэтничном государстве доминирующей наряду с гражданской также является этническая идентичность, которая институционализируется государством.

Ключевые слова: идентичность, этническая принадлежность, нация, патриотизм, Северо-Восток России, государство

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена по проекту «Патриотизм народов Северо-Востока России: большая и малая родина в нарративах жителей Якутии и Чукотки» в рамках реализации Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности, 2023–

* © Васильева О.В., 2025

Для цитирования: Васильева О.В. Конфигурация доминирующих идентичностей на Северо-Востоке России: к вопросу о цивилизационной специфике Российского государства // Арктика и Север. 2025. № 59. С. 82–99. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.59.82>

For citation: Vasileva O.V. Configuration of Dominant Identities in the North-East of Russia: Towards the Question of the Civilizational Specificity of the Russian State. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2025, no. 59, pp. 82–99. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.59.82>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

2025 гг. (порушение Президента Российской Федерации № Пр-71 от 16.01.2020 г.), руководитель — акад. РАН В.А. Тишков.

Configuration of Dominant Identities in the North-East of Russia: Towards the Question of the Civilizational Specificity of the Russian State

Olga V. Vasileva^{1✉}, Cand. Sci. (Polit.), Senior Researcher

¹ Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, ul. Petrovskogo, 1, Yakutsk, Russia

¹ Ovasileva.igi@mail.ru ✉, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9992-4163>

Abstract. The article publishes the results of the research devoted to the analysis of dominant identities, the position of the population in relation to civic and regional patriotism. Theoretical approaches to analyzing the problem of the relationship between the concepts of “nation” and “patriotism”, as well as the relationship between the configuration of dominant identities and the forms of state formations in the context of this idea are considered. The article presents the results of a questionnaire survey of the population conducted in the spring of 2024 in two regions of Russia — the Republic of Sakha (Yakutia) and the Chukotka Autonomous Okrug. The hierarchy of identities is revealed, the results of the study showed that the Russian identity turned out to be the most significant for the population of both regions. Regional patriotism is more inherent in ethnic groups that have historically inhabited these territories; however, differences were revealed in the regions of the study. In Yakutia, the ethnic identity of respondents of Yakut nationality actualizes the importance of regional rather than ethnic identity, while in Chukotka this tendency is not manifested among Chukchi. The assumption is made that civilizations in the modern world represent a special structure of interaction between the identities of people who are part of it. The specificity of the Russian civilization is that in a multi-ethnic state the ethnic identity, which is institutionalized by the state, is dominant along with the civic identity.

Keywords: *identity, ethnicity, nation, patriotism, North-East Russia, state*

Введение

Россия является уникальным многонациональным государством. Безусловно, есть и другие страны, в которых проживает большое количество этнических групп. К примеру, Индия, Индонезия, Нигерия — это страны, в которых число этнических групп даже больше, чем в России. Однако в то же время надо отметить, что понятие «национальность» в его этническом смысле, которое сложилось в СССР и перешло и на российскую практику, это не всеобщая, не мировая норма. В других полиэтничных странах гораздо более важными выступают иные классификации — расовые, религиозные, кастовые. Конфигурация реального полиэтничного характера российского государства и высокой значимости этничности и создаёт его уникальное своеобразие.

В связи с этим особое внимание уделяется вопросу о соотношении значимостей этнической и иных идентичностей, он даже приобретает политическое значение. К примеру, этническая и гражданская идентичности в России (гражданская идентичность в данном случае понимается как отражение принадлежности государству) нередко и отечественными, и зарубежными учёными оцениваются как конкурирующие. Дело в том, что концепт гражданской идентичности связывают с формированием государств-наций и, соответственно, с чувством принадлежности к определённой нации как политическому образованию. В свою оче-

редь в России и в быденном языке, и в общественной мысли понятия «нация», «национальное» достаточно часто трактуются в контексте этнокультурного значения. В частности, именно этническое значение придаётся понятию «нация», когда речь идёт о праве на самоопределение, а также тогда, когда мы говорим о российском обществе как о многонациональном. Исходя из этого и формируется представление о конкуренции. Действительно, надо отметить, что в рамках российского сообщества народов, объединённого в асимметричную федеративную структуру, это представляет собой определённый вызов государству, в особенности в контексте уже имеющегося исторического опыта.

В связи с этим интерес представляют исследования, которые были бы направлены на понимание сферы патриотических чувств и видов лояльностей в отношении социальных образований у представителей народов, населяющих страну, в том числе её разные части, поскольку действие этнического фактора всегда имеет определённую территориальную и пространственную локализацию.

Целью данной статьи является выявление конфигурации доминирующих идентичностей на основе анализа материалов регионов Северо-Востока России в контексте вопроса о патриотизме в отношении нации как государства и этнической группы. В данной статье мы рассмотрим позиции населения разной этнической принадлежности в двух национальных регионах России, относящихся к Северо-Востоку страны — Республике Саха (Якутия) (РС(Я)) и Чукотском автономном округе (ЧАО).

Обзор литературы

Надо отметить, что в широком круге зарубежной литературы проблематика нации во многом присвоила себе такое явление как патриотизм. Его называют явлением, легитимизирующим существование нации. Такого мнения, к примеру, придерживается Б. Андерсон. Говоря о сущности патриотизма, он отмечает, что «нации внушают любовь, причём нередко до основания пропитанную духом самопожертвования» [1]. В широком смысле он подразумевает под патриотизмом глубокую лояльность той общности, которая создаётся в результате объединения единым государством и культурой.

И. Валлерстайн считал, что появление государства-нации происходит в силу особенностей развития капиталистической системы, внутри которой сформировалась потребность в идеологическом обосновании неравенств центра и периферии. Национальное самосознание — это продукт либеральной идеологии, предложенный «опасным классам» в XIX в., который выносил расизм за пределы «белого» мира [2, с. 239]. Последующее возникновение концепции «самоопределения наций» он считал расширением постулатов либеральной идеологии с её главенствующим понятием рационального реформизма до уровня миросистемы в целом с целью сдерживать «опасные классы» уже на глобальном юге. Период деколонизации, по мнению Валлерстайна, пробудил сознание масс с тем, чтобы предложить им добиться самоопределения и проложить себе путь к процветанию в форме национального развития,

но это была лишь иллюзия. Со временем стало понятно, что интеграция внеевропейского мира в систему формальных политических институтов межгосударственной системы сама по себе не имеет никакой перспективы для экономических преобразований на периферии капиталистической мироэкономики, хотя идея национального развития осталась довольно привлекательной для широких масс. В связи с этим началось переосмысление роли национального государства в мироустройстве.

В современной западной научной мысли отношение к концепту нации изменилось, в связи с чем изменилось и отношение к патриотизму, поскольку неизменным было то, что «нации» и «патриотизм» были связанными понятиями. Со временем стала более распространена позиция, выраженная такими исследователями, как У. Бек [3], Дж. Данн, считающими, что нация — это анахронизм в современном постнациональном мире, а патриотизм ассоциируется только с нетерпимостью, ксенофобией, милитаризмом и агрессией [4]. Р. Брубейкер, по сути, также не проводит различий между патриотизмом и национализмом. По его мысли, они представляют собой чрезвычайно гибкий политический язык, способ выражения политических аргументов при помощи апелляции к Родине, отечеству, стране, нации [5, с. 120]. Таким образом, за счёт закрепления понятия патриотизм в смысловой увязке с национальным государством, с одной стороны, создавалось некоторое противоречие между патриотическими чувствами и такой формой государственности, которая предполагает объединения и союзы многих народов, с другой — со временем концепт национального государства списывается в пользу формирования транснационального мира с иными множественными лояльностями.

В России научная и общественная мысль и в дореволюционное время формировала такое понимание государственного устройства и патриотизма, которое бы соответствовало цивилизационной идентичности. Так, в 1914 г. П.Б. Струве в своей статье «Великая Россия и Святая Русь» определял Россию как национальное государство-империю и считал, что Россия, будучи многонародной, обладает национальным единством [6]. Акцент делался на том, что государство, несмотря на свою культурную неоднородность, может объединять представителей разных культур как равных граждан.

Большое влияние на современное понимание проблемы оказал советский период, когда сформировалось понимание общежития народов в рамках единого государства как союза суверенных наций. Распад советского союза по этническому принципу следует трактовать здесь как отражение глубокого восприятия концепции национального развития. В связи с этим риски для государства как ассиметричной федеративной структуры просматриваются и в настоящее время, в связи с чем идёт активная исследовательская работа, связанная с анализом ситуации, её динамики и также формированием новой концепции общежития народов в рамках единого государства.

К примеру, А.В. Головнев указывает на то, что державность и этничность в России — это две детерминанты российского общества, и их соотношение всегда было взаимно сти-

мулирующим и играло роль системы сдержек и противовесов [7, с. 11]. Исходя из этого, он приходит к выводу, что многонародность — это такая черта российского общества, которая одновременно выступает как национальная идея.

Особый подход в понимании своеобразия России как государственного образования предлагает В.А. Тишков. Его подход состоит в признании и научной разработке двух категорий, которые не исключают друг друга: историософской и культурологической категории «цивилизация» с обоснованием её более определённых признаков и социально-политической, нормативно-правовой категории «нация» как согражданства с общей исторической памятью, культурой и ценностями. Согласно данному подходу, Россия — это и нация, и цивилизации, а российский народ — это нация наций [8].

Обсуждение вопроса о формах государственных образований и тех видов лояльностей и идентичностей, которые они формируют, усилилось в связи с кризисом западного общества и капиталистической системы. В этом направлении работают исследователи разных дисциплин от истории до философии, можно упомянуть таких известных авторов, как А.И. Миллер [9], В.С. Мартыанов [10], В.В. Козловский [11] и т. д.

Хотя дискуссия о том, что представляет собой Россия, ведётся длительное время, вопрос остаётся скорее открытым. Здесь надо сказать о том, что существует научное направление, которое даёт возможность для подтверждения гипотез, поскольку занимается исследованием взаимосвязи между этническим самосознанием и гражданской идентичностью на материалах социологических исследований. Наиболее известными учеными в этой области следует назвать Л.М. Дробизеву [12], Ю.В. Арутюняна [13] и др. Данные исследования предоставляют возможность оценить на уровне эмпирики, каким образом соотносятся между собой идентичности, а также понять, какие из них занимают доминирующие позиции в обществе по мере его исторического развития.

Надо отметить, что в контексте поднятого в данной статье вопроса о том, какие идентичности преобладают у населения Северо-Востока России, следует упомянуть, что отдалённость региона в рамках российского государства сформировала этнографическую традицию рассматривать народы, населяющие эти территории, как безгосударственные и даже выступающие в качестве антиподов «российскости» [14, Ссорин-Чайков Н.В.], [15, Слезкин Ю.Л.]. Возникает вопрос о их специфике конфигурации значимости идентичностей, а также о том, как конфигурация идентичностей связана с современным представлением и пониманием того, что собой представляет государство в меняющихся геополитических условиях и какова в них роль таких концептов, как «народ», «нация», «этническая группа».

Методика исследования

В период с марта по апрель 2024 г. был проведён социологический опрос в рамках проекта «Патриотизм народов Северо-Востока России: большая и малая родина в нарративах жителей Якутии и Чукотки». Инструментарий исследования разработан коллективом эт-

носоциологов ИГИИПМНС СО РАН (Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), включённых в реализацию проекта.

Методика исследования в обоих регионах представляет собой анкетный опрос населения по квотной половозрастной выборке, репрезентативной для генеральной совокупности населения региона. При этом погрешность выборки в Якутии с вероятностью 95% не превышает 3%, в Чукотском автономном округе погрешность с вероятностью 95% не превышает 5%. В соответствии с этим опрос охватил в РС (Я) 1 066, а в ЧАО — 370 единиц наблюдения.

Особенности выборочной совокупности в Якутии: 47,9% опрошенных составляют мужчины, 52,1% — женщины. Возрастные характеристики опрошенного населения: от 18 до 22 лет — 9,3%, от 23 до 34 лет — 24,3%, от 35 до 44 лет — 21,6%, от 45 до 54 лет — 16,4%, от 55 до 64 лет — 16%, старше 65 лет — 12,3%. Уровни реализации опроса: 58,1% — население городов, 10,1% — население посёлков городского типа, 31,9% — население сельской местности. В опросе приняли участие саха — 62,7%, русские — 18,9%, коренные малочисленные народы Севера — 7,7%, другие — 8,9%. Отказались от ответа на вопрос о национальности — 1,4%. В указанной выборке 8,8% опрошенных при этом указали на наличие второй этнической идентичности. Надо отметить, что среди ответов респондентов оказались и те, кто указал только гражданство — 4 человека назвали себя россиянами. Ещё 4 указали себя россиянами в качестве второй имеющейся национальности.

Особенности выборочной совокупности в Чукотском автономном округе: 49,2% опрошенных составляют мужчины, 50,8% — женщины. Возрастные характеристики опрошенного населения: от 18 до 22 лет — 6,8%, от 23 до 34 лет — 22,2%, от 35 до 44 лет — 24,6%, от 45 до 54 лет — 20,3%, от 55 до 64 лет — 16,8%, старше 65 лет — 9,5%. Уровни реализации опроса: 50,3% — население городов, 21,4% — население посёлков городского типа, 28,4% — население сельской местности. В опросе приняли участие русские — 39,5%, чукчи — 30,3%, коренные малочисленные народы Севера — 13,5%, другие — 6,2%. Отказались от ответа на вопрос о национальности — 10,5%. В названной выборке из указавших национальность 13,8% опрошенных заявили о наличии второй этнической идентичности.

Первичные данные были обработаны с помощью программного обеспечения SPSS, результаты представлены методами описательной статистики. Использован такой инструмент анализа, как кросс-табуляция, для углубленного анализа эмпирической информации — критерий значимости χ^2 .

Специфика ситуации на Северо-Востоке России

Северо-Восток России — это самая восточная и самая удалённая от центра часть страны, находящаяся на Дальнем Востоке. Она охватывает огромную территорию: в неё включают Республику Саха (Якутия), Магаданскую область, Камчатский край, Чукотский автономный округ. Данный природно-географический макрорегион является экстремальным по своим природно-климатическим условиям. Значительная его часть находится за полярным кругом.

Несмотря на неблагоприятные климатические и природные условия, эта территория стала домом значительного числа народов. Совокупность всех указанных обстоятельств оказала непосредственное влияние на историческое развитие административно-территориального устройства, функции органов власти и управления и их полномочия в рамках российской политико-административной системы. Она, в частности, определила значительную автономию данного макрорегиона на ранних этапах освоения.

Исследователями отмечается, что в российской внешней экспансии преобладали стратегические внешнеполитические, а не экономические мотивы. Вследствие этого в первую очередь на новых для российского государства землях начиналось политико-административное освоение, и только затем наступала очередь экономической интеграции [16, Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.]. Общим итогом территориальной экспансии, начавшейся в первой половине XVII в. с Якутии, стало превращение России в крупнейшее государство мира. Надо отметить, что в Якутии и на Чукотке ситуация с установлением российской власти была разной. Народы Якутии по трактовкам историков вошли в состав российского государства добровольно, в связи с чем демографическими последствиям присоединения к России для якутов называют увеличение численности, а также обширную миграцию в связи с колонизацией Северо-Востока Азии [17, Борисов А.А.]. Ситуация на Чукотке сильно отличалась, потому что чукчи и коряки длительное время оказывали сопротивление установлению российского господства на Северо-Востоке Сибири [18, Нефедкин А.К.]. Принятие чукчей в российское подданство произошло лишь во второй половине XVIII века.

Интересен вопрос о том, существовало ли национальное самосознание у народов, населяющих Северо-Восток к моменту прихода русского государства. Мы не можем опрокинуть современное представление о национальной (этнической) принадлежности в прошлое, однако осознание неких общностей всё-таки существовало. В том виде, в каком национальное мышление у коренных народов Сибири сложилось к настоящему времени, исследователи видят большую роль государства. Так, Д. Андерсон пишет о том, что до появления представителей государства, этнографов существовало множество пересекающихся самосознаний, которые использовались для различения людей, но не было ни одного, которое человек в течение жизни не мог бы сменить [19]. Он подчёркивает, что иное представление сложилось позже и было сформировано во многом распределительной системой советской власти. Другие исследователи отмечают, что само взаимодействие коренных народов с государством было специфичным в силу особенностей их образа жизни. К примеру, Н. Ссорин-Чайков описывает взаимодействие коренных народов Севера с государством как отношения «избегания и тяготения» [14, с. 158], отмечается и присущее им от природы стремление к жизни без государственного вмешательства, можно было бы предположить, что эта ситуация могла оказывать влияние на специфичное восприятие своей принадлежности государству или иным общностям.

Сейчас самосознание коренных малочисленных народов Севера и этнических групп, давших названия регионам, находится на высоком уровне. Это отмечается в публикациях этносоциологов, занимающихся исследованиями в данном конкретном макрорегионе [20, Маклашова Е.Г., Осипова О.В.] и в России в целом. Важно отметить, что в Якутии высокий уровень национального самосознания у коренных народов сочетается с оттоком русского населения. За постсоветский период в Якутии произошло снижение доли русских среди населения Якутии — с 50,3% в 1989 г. до 27,8% в 2020 г. В Чукотском автономном округе ситуация несколько иная. В ЧАО миграция населения не оказала такого сильного влияния на этническую структуру населения. Хотя в 90-е гг. произошла потеря 2/3 его жителей. Последняя перепись зафиксировала, что за постсоветский период число русских в регионе снизилось лишь с 68 до 54,2%.

Доминирующие идентичности

Исследования фиксируют различную ситуацию с оценкой значимости этнической и гражданской идентичности в разных регионах России, однако выделяются общие тренды. К примеру, указывается, что у представителей национальностей, дающих название республикам, этническая идентичность в этих регионах обычно выше, чем у других этнических групп. Другой тренд, фиксирующийся в последние годы, состоит в том, что гражданская идентичность оказывается более значимой, чем все иные типы идентичностей.

В исследовании, о котором идёт речь в данной статье, также изучался вопрос доминирующих идентичностей. Респондентам было предложено оценить, насколько важно для них осознавать принадлежность ряду общностей, среди которых были предложены следующие формулировки: «представитель народа, этноса, национальности», «житель региона», «гражданин России, россиянин», «гражданин мира».

Результаты исследования в Республике Саха (Якутия) и в Чукотском автономном округе показали, что наиболее значимой для населения обоих регионов оказалась российская идентичность. 96% населения в Якутии и 95,9% на Чукотке указали, что в той или иной мере им важно осознавать себя гражданами России. 85,4% в ЧАО и 92% в РС (Я) указали, что для них важна также этническая принадлежность. 83% в ЧАО и 92,9% в РС (Я) указали, что для них важно осознавать себя жителем региона. Также 64,9% в ЧАО и 69% в РС (Я) указали, что для них важно осознавать себя гражданами мира.

Анализ результатов опроса в этническом срезе показал, что представители разных этнических групп в Якутии по-разному оценивают для себя значение этнической ($\chi^2 = 34,580$, $p < 0,000$), региональной ($\chi^2 = 61,328$, $p < 0,000$), российской идентичности ($\chi^2 = 14,719$, $p < 0,023$). При этом надо отметить, что для якутов в Якутии этническая и гражданская идентичности имеют высокую значимость примерно в равной мере (см. табл. 1). На Чукотке значение этнической ($\chi^2 = 22,392$, $p < 0,001$) и региональной идентичности ($\chi^2 = 57,332$, $p < 0,000$) оцениваются по-разному, а в оценке значимости российской идентичности нет статистически

подтверждаемых различий ($\chi^2 = 8,083$, $p < 0,232$) у представителей разных этнических групп. Для чукчей в Чукотском автономном округе при высокой значимости этнической принадлежности российская идентичность оказалась более весомой (см. табл. 2).

Таблица 1

*Значимость этнической и российской идентичностей
в разрезе этнической принадлежности респондента в РС (Я)*

Национальность респондента	Этническая идентичность			Гражданская идентичность		
	Очень важно	Важно	Неважно	Очень важ- но	Важно	Неважно
Якуты	52,4	41,5	6,1	53,2	43,6	3,2
Русские	38,3	44,4	17,3	56,4	35,9	7,7
КМНС	56,3	38,8	5	46,8	51,9	1,3
Другие	50	45,7	4,3	56,4	38,3	5,3

Указанная тенденция роста значимости российской идентичности стала фиксироваться в последние годы. К примеру, в нулевые годы (2002 г.) XXI в., согласно опросам, российская идентичность по масштабам распространённости и интенсивности уступала этнической идентичности [21, Дробижева Л.М.]. К 2011–2012 гг. российская идентичность стала самой распространённой и наиболее значимой идентичностью для большинства в регионах с преимущественно русским составом населения. В настоящее время российская идентичность утвердилась как наиболее важная и в некоторых национальных регионах и имеет наибольшее значение в иерархии идентичностей. Возможно, это стало результатом заметного роста солидарности россиян по гражданскому принципу на фоне агрессивной политики западных стран. В то же время следует отметить, что позицию «очень важно» якуты (саха) в Республике Саха (Якутия) чаще отмечали не для гражданской или этнической идентичности, а для региональной — такой ответ дали 55,8% из них.

Таблица 2

*Значимость этнической и российской идентичностей
в разрезе этнической принадлежности респондента в ЧАО*

Национальность респондента	Этническая идентичность			Гражданская идентичность		
	Очень важно	Важно	Неважно	Очень важ- но	Важно	Неважно
Чукчи	53,6	39,3	7,1	70,5	27,7	1,8
Русские	37,0	43,2	19,9	62,3	31,5	6,2
КМНС	60	38	2	78	18	4
Другие	30,4	56,5	13	69,6	30,4	0

В то же время обращает на себя внимание тот факт, что в обоих регионах русское население чаще, чем представители других этнических групп, указывало, что этническая и гражданская идентичности не являются важными. Кроме того, 4,8% русских в ЧАО и 5,5% в Якутии не выбрали ни одну из 4 предложенных идентичностей в качестве важной. Среди представителей разных этнических групп этот показатель отсутствия значимости идентичностей наиболее высокий именно у русского населения. Так как идентичность рассматривается как отождествление себя с общностью, указанные данные можно воспринимать с точки зрения распространения индивидуалистических представлений, которые в современном обще-

стве требуют от человека отказа от выбора устойчивой идентичности и ответственности, которую она налагает.

Слабое значение этнического самосознания для русских отмечается и в других исследованиях. Исследователи, объясняя этот феномен, связывают его с длительным отсутствием социальных институтов, участвующих в этнической социализации. Отмечается, что децентрализация культурной политики, получившая закрепление в нормативно-правовой базе Российской Федерации и её субъектов, фактически признала этническую специфику республик, но практически не уделяет внимания проблемам русской культуры в этих регионах [22, Лучшева Л.В.].

В этносоциологических исследованиях отмечалось, что уровень солидарности в республиках выше у представителей той национальности, которая даёт название региону. Это действительно так: в регионах обследования позицию «Современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальности» выбирают 50,5% русских и 70,5% якутов (саха) в Республике Саха (Якутия) и 49,3% русских и 73,2% чукчей в Чукотском автономном округе. Однако надо отметить, что, в сравнении с результатами исследований 90-х гг., показатель этнической консолидации у русских в Якутии заметно вырос — в 1994 г. он составлял только 37,4%, а у якутов напротив — незначительно снизился с 73,9 до 70,5% [23, Игнатьева В.Б., Абрамова С.В., Павлов А.А., с. 152].

На основании более низких показателей этнической консолидации обычно делается вывод о невыраженности этнической идентичности у русских. Однако иной взгляд сформируется, если мы обратим внимание на то, как исследователи объясняли низкие показатели этнической консолидации русских ранее. Они связывали их с тем, что русские отождествляли этническую и гражданскую идентичности. Если следовать этой логике, то в настоящее время, помимо прочих причин, можно предположить, что в значительное мере произошло разотождествление этих двух идентичностей как в сознании русских, так и в сознании представителей других этнических групп, населяющих Россию. Национальная политика России на протяжении последнего десятилетия много внимания уделяет тому, что Россия — это именно многонациональное государство. В связи с этим указанная версия имеет право на жизнь, если учитывать, что «россияне», как и прежде «советский народ», — это ментальная конструкция, которая в первую очередь связывается с гражданством, общностью исторического пути, формированием общего культурного поля.

Однако не надо списывать со счетов и иные факторы, к которым можно отнести отток русского населения из Якутии и изменение этносоциальной структуры общества. Такого рода колебания в этническом составе населения могут сказываться на самоощущении и восприятии необходимости консолидации по этническому принципу.

В целом следует отметить, что высокий уровень значимости гражданской идентичности свидетельствует о стабильности ситуации и сплочённости полиэтнического общества Северо-Востока России. Можно утверждать, что этническая идентичность в современных усло-

виях не препятствует российской идентичности, в то же время этническая идентичность ска-
зывается на уровне значимости региональной идентичности.

Гражданский и региональный патриотизм населения

Далее рассмотрим вопрос, касающийся декларирования патриотических чувств в от-
ношении страны и региона. Его исследование важно по нескольким причинам: во-первых,
это продемонстрирует достоверность тезиса об утверждении гражданской идентичности как
доминирующей в сознании населения. Дело в том, что только высокий уровень патриотиче-
ского сознания в стране позволяет противостоять навязываемому культу материальных цен-
ностей, культуре потребления, — самому простому, но и самому эффективному инструменту
разложения национального самосознания [24, Тованчова Е.Н., Кашина А.А., с. 142]. Во-
вторых, на основе анализа мнения населения в отношении гражданского и регионального
патриотизма можно будет судить о том, какова связь между этнической принадлежностью и
чувствами привязанности к определённой территории в рамках страны.

Первое, что необходимо отметить — это то, что наблюдается довольно высокий про-
цент населения, декларирующего патриотическую позицию в отношении России (см. табл. 3
и 4). Разница в ответах респондентов разной этнических принадлежности оказалась невели-
ка как в Якутии ($\chi^2 = 8,208$, $p < 0,513$), так и на Чукотке ($\chi^2 = 6,210$, $p < 0,400$), различия не
имеют статистической значимости. В большей мере обнаруживается влияние на ответы ре-
спондентов фактора региона проживания. Опрошенные в ЧАО чаще заявляли о своей патри-
отической позиции в отношении России, нежели жители Якутии. Как показывает исследова-
ние, исторические особенности вхождения народов в состав российского государства не
оказывают влияния на современную ситуацию. В большей мере нынешняя ситуация быть
связана с особенностями общей политической повестки в регионе, социально-
экономическим положением населения, ситуацией в общественно-политическом дискурсе,
влиянием дискурса этнической интеллигенции и т. д.

Таблица 3

*Распределение ответов на вопрос «Являетесь ли Вы патриотом России и региона?»
в этническом срезе в РС (Я), %*

Этническая при- надлежность	Патриотизм в отношении России				Патриотизм в отношении Якутии			
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Нет ответа	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Нет ответа
Якуты (саха)	75,4	5,7	17,7	1,2	84,0	3,9	11,5	0,6
Русские	75,6	6,0	16,4	2,0	57,7	12,4	27,9	2,0
КМНС	69,5	6,1	23,2	1,2	74,4	6,1	17,1	2,4
Другие	77,9	4,2	13,7	4,2	63,2	6,3	26,3	4,2

В Республике Саха (Якутия) патриотизм в отношении страны и региона в целом по вы-
борке оказался примерно на одном уровне — 75,2% и 76,5%, но если рассмотреть эти цифры
в проекции этнической идентичности опрошенных, мы увидим, что региональный патрио-
тизм присущ представителям разных этнических групп в неравной мере ($\chi^2 = 76,678$, $p < 0,000$). Иными словами, если гражданский патриотизм действительно в равной мере харак-

терен для всех этнических групп, то региональный патриотизм наблюдается в большей мере у якутов (саха) 84% и у представителей коренных малочисленных народов Севера — 74,4%. Стоит отметить, что в Республике Саха (Якутия) у якутов и представителей КМНС уровень регионального патриотизма даже выше, чем уровень гражданского патриотизма. Эта же тенденция фиксируется и другими исследованиями [25, Томаска А.Г.].

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Являетесь ли Вы патриотом России и региона?»
в этническом срезе в ЧАО, %

Этническая принадлежность	Патриотизм в отношении России			Патриотизм в отношении Чукотки		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Чукчи	89,3	3,6	7,1	78,6	6,3	15,2
Русские	88,4	2,1	9,6	59,6	17,1	23,3
КМНС	82,0	8,0	10,0	90,0	4,0	6,0
Другие	95,7	0	4,3	73,9	8,7	17,4

На Чукотке наблюдается несколько иная ситуация (см. табл. 4). У чукчей гражданский патриотизм выражен сильнее, нежели региональный. Наиболее высокие показатели регионального патриотизма можно наблюдать в группе, объединяющей других представителей коренных малочисленных народов Севера, проживающих на Чукотке — эскимосов, эвенов, юкагиров, чуванцев и т. д. Тем не менее, если рассматривать полученные результаты в этническом срезе, фиксируется статистически значимая разница ответов представителей разных этнических групп ($\chi^2 = 22,709$, $p < 0,001$).

В управленческой практике региональный (местный) патриотизм оценивают как значимый управленческий ресурс, как фактор развития и продвижения малой родины в социальном пространстве. Местный патриотизм может служить импульсом для различных преобразований, почвой для инициирования органами власти, населением, гражданскими институтами социально значимых, преобразующих социальное пространство проектов и акций [26, Щукина Р.И., Вяткина Н.В., с. 105]. Следует учитывать патриотические настроения этнических групп как потенциал для гражданского участия в активном преобразовании социальной среды и повышения социально-экономического развития территорий. Примеры успешной деятельности местных сообществ, связанной с осознанным отношением к месту своего проживания и ответственностью за его развитие, уже имеются в российской практике [27, Бреславский А.С.].

В то же время здесь должен быть соблюден баланс участия во внутренней миграции представителей различных национальностей. Дело в том, что миграционный опыт человека, снижая его привязанность к конкретной территории, расширяет представление о родине как территории страны в целом, формирует более осознаваемую ментальную связь со страной в целом. Известно, что ещё в советское время русские, являясь наиболее подвижными в миграционном отношении [28, Куличенко М.И.], в большей мере разделяли советскую идентичность. В свете данных обстоятельств, при управлении миграционным движением важно

создавать для населения не только материальные стимулы, но и условия для осознания человеком связей с данной территорией, позитивной идентификации с местностью и регионом.

По данным других исследований, проведённых ИГИИПМНС СО РАН, русское население Якутии, как правило, существенно меньше привязано к региону. Лишь около трети населения в опросах позитивно оценивают своё отношение к месту проживания. Большинство населения, отвечая на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к Якутии?», чувствуют и позитивные, и негативные стороны. Обращает на себя внимание процентный уровень ответов (16,8%) респондентов русской национальности, указавших отсутствие эмоциональной привязанности к региону. По всей видимости, схожая ситуация наблюдается и на Чукотке. В связи с этим можно прогнозировать сохранение тенденции на миграционный отток русского населения [29, Маклашова Е.Г., с. 75].

Таким образом, региональный патриотизм в большей мере присущ этническим группам, исторически проживающим на данных территориях. Представляется, что следует рассматривать его не только в контексте территориализации этнической идентичности, но и как отражение того, что процесс укоренения населения, «прорастания» индивидов в определённую территорию длителен и непрост. С этим связана необходимость исследования факторов, побуждающих население к миграции, а также отражающих эти факторы субъективных мотивов и интенций.

Размышления

В целом надо отметить, что идея о том, что представители этнических групп, относящихся к коренным народам Северо-Востока России, имеют отличную от русского населения указанных регионов позицию в отношении патриотизма, не находит своего подтверждения. Здесь не обнаруживается статистически подтверждаемого различия мнений, притом что значимость этнической идентичности у данных групп респондентов действительно более выраженная. Данная ситуация, по всей видимости, является отражением современной национальной политики, направленной на поддержку культурного многообразия и укрепление гражданской идентичности. Управление этим процессом не является легкой задачей и в обозначившихся сейчас новых геополитических условиях требует особого внимания. Вместе с тем актуализируется вопрос о том, как в условиях кризиса капиталистической системы, нарастания противоречий внутри неё, будет меняться отношение к значимости тех или иных идентичностей и формам государственного устройства.

Надо отметить, что формирование государств-наций было результатом перехода от традиционного общества к обществу современному в рамках капиталистической миросистемы. Процесс разрушения старых социальных структур сопровождался взрывом новых идентичностей, которые фрагментировали общество, акцентируясь на частных и особенных интересах в противовес всеобщему [30, Мартьянов В.С., с. 253]. Удержание

общества от окончательного распада требовало создания общих социокультурных коллективных «я» в виде наций и подавления других форм лояльности, к которым можно отнести региональные, религиозные, этнические и иные другие. Поэтому период становления и развития национальных государств во многом был связан с культурной унификацией населения внутри этих политических образований. Исследователи достаточно метко используют образ окрашивания территории в единый цвет для того, чтобы описать это постоянное и упорное стремление к унификации, затушёвыванию различий, пренебрежению локальными партикуляризмами [31, Филиппова Е.И., с. 88].

Россия на своём историческом пути, как указывает А.В. Головнев, не стремилась к устранению культурных различий, напротив, на основе культурного многообразия осмыслилась государственность страны. При этом наблюдалась маятниковая смена двух тенденций: в периоды кризиса власти этничность активировалась и число народов росло, а во времена расцвета централизма их количество сокращалось в пользу гражданского единства [8, с. 11]. Чередование периодов «сильного» и «слабого» государства и их влияние на этнокультурные процессы подчёркивает в своих работах и М.С. Михалев. Он отмечает довольно демократичную, в сравнении с другими странами, позицию российского государства в отношении проявления этнического многообразия [32].

Если рассматривать результаты исследования, предпринятого нами в контексте данных идей, следует сделать вывод о том, что в настоящий момент идёт процесс усиления централизма, который вызывает в обществе рост значимости гражданской идентичности на фоне иных лояльностей. Однако мы не наблюдаем и сильного снижения значимости этнической принадлежности. Более того, этнические идентичности в значительной мере определяют территориальное развитие России, за счет повышения значимости региональной идентичности.

Можно предположить, что в настоящее время государство постепенно выработало современное понимание общежития народов России, при этом, что немаловажно, идея многонародности остается его базовым элементом и выражается в реализации национальной политики, понимаемой как развитие этнокультурной среды в России. Представляется, что нехарактерное для этапа централизации власти снижение государственного контроля в области проявления тех или иных этнических культур следует рассматривать не как идеологическую слабость российского государства, а как стратегию мягкого вовлечения этнических групп в общее социокультурное поле страны, а также в процесс усиления государственности. Патриотизм в этом контексте становится скрепляющей основой взаимодействия. Эффективность этой стратегии подтверждают как результаты социологических исследований, так и активная включённость представителей этнических групп в общероссийскую повестку.

Указанные факты приводят к необходимости пересмотра сложившегося представления о влиянии исторических и культурных факторов на развитие общества и стимулируют

признание существования разных форм государственности, специфики цивилизаций и формируемых ими иерархий идентичностей.

Можно предположить, что цивилизации в современном мире представляют собой особую структуру взаимодействия идентичностей людей, которые в неё входят. Спецификой российской цивилизации является то, что в полиэтничном государстве доминирующей наряду с гражданской также является и этническая идентичность, которая институционализируется государством. Последнее отличает социальную ситуацию в России от остального мира.

В эпоху модерна, которая в значительной мере унифицировала разные общества и индивидуализировала их, этническое измерение Российского общества является одной из ключевых характеристик российской цивилизации. Эта его особенность выступила определённым барьером на пути крайней индивидуализации (по которой пошло западное общество) вкпе со связанным с ней целеполаганием, лежащим в основе тех решений, которые принимаются в областях, имеющих витальное значение для существования общества.

Заключение

Патриотизм в России содержит в себе представление о принадлежности стране, которая объединяет множество народов, об уникальной полиэтнической и поликонфессиональной ситуации. Это и составляет особенность России как государства-цивилизации. Представление о собственном государстве аккумулирует представление обо всех народах, об их своеобразной духовной культуре. Всё это стимулирует научный поиск подходов к пониманию социального пространства, в котором живёт человек, а также путей его развития. Высокий уровень значимости гражданской идентичности свидетельствует о сплочённости полиэтнического общества Северо-Востока России. Представляется, что именно патриотические чувства могут быть фактором, оказывающим влияние на снижение эффективности внешнего информационного воздействия, нацеленного на рост этнических конфликтов в России. Государственным органам власти следует обратить внимание на процессы управления распределением трудовых ресурсов страны, соблюдения баланса между формированием региональной идентичности у представителей разных этнических групп России, а также на вопросы научного изучения и популяризации истории народов, населяющих Россию, в контексте общероссийских исторических процессов.

Список источников

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. Москва: Кучково поле. 2016. 416 с.
2. Валлерстайн И. После либерализма. Москва: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
3. Бек У. Космополитическое мировоззрение. Москва: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. 340 с.
4. Dunn J. Western Political Theory in the Face of the Future. Cambridge University Press. 1979. 120 p.

5. Брубейкер Р. Именем нации: размышления о национализме и патриотизме // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. Москва: Новое издательство. 2010. С. 110–130.
6. Струве П.Б. Великая Россия и святая Русь // Русская мысль. 1914. Кн. 12. С. 176–180.
7. Головнёв А.В. Многонародность России: взгляд с севера // Этнография. 2022. № 4 (18). С. 6–32. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-6-32](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-6-32)
8. Тишков В.А. Нация наций: о подходах к пониманию России. Москва: ИЭА РАН, 2023. 69 с.
9. Миллер А.И. Нация или могущество мифа. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. 146 с.
10. Мартыанов В.С., Руденко В.Н. Магия белого прогрессора: от глобального каргокульта к новой политической нормальности // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2022. № 1 (104). С. 24–49. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-24-49>
11. Российское общество: архитектура цивилизационного развития / Под ред. В.В. Козловского. Москва; Санкт-Петербург: ФНИСЦ РАН, 2021. 340 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-375-1.2021>
12. Дробижева Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. 2002. № 2. С. 213–244.
13. Арутюнян Ю.В. Россияне: проблемы формирования национально-гражданской идентичности в свете данных этносоциологии // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 91–97.
14. Ссорин-Чайков Н.В. Гоббс в Сибири: социальная жизнь государства (из книги «Социальная жизнь государства в Северной Сибири») // Социология власти. 2012. № 4–5. С. 155–187
15. Слезкин Ю.Л. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. Москва: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
16. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Национальные окраины в системе внутренней политики российского самодержавия XVI–XX в. // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.): материалы международной научной конференции. Новосибирск: Параллель, 2017. С. 381–387.
17. Борисов А.А. Историко-демографические проблемы национальных окраин Российской империи в XVII — начале XIX в. // Северо-Восток Сибири в контексте российской истории. XVII–XX вв.: материалы всероссийской научной конференции, посвящённой 75-летию доктора исторических наук, профессора В.Н. Иванова. Якутск: Продизайн, 2012. С. 54–61.
18. Нефёдкин А.К. Военное дело чукчей (середина XVII—начало XX в.). Санкт Петербург: Петербургское Востоковедение, 2003. 352 с.
19. Андерсон Д.Дж. Тундровики: экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 1998. 272 с.
20. Маклашова Е.Г., Осипова О.В. Государственная национальная политика в условиях российского этнофедерализма: социологический срез (на материалах Республики Саха (Якутия)) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 28–34.
21. Дробижева Л.М. Российская, этническая, региональная идентичность: лонгитюдное исследование 1993–2012 годов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 2 (75). С. 71–83.
22. Лучшева Л.В. Идентичность и самосознание русских Республики Татарстан // Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического сообщества: материалы международной научно-практической конференции. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 221–226.
23. Игнатьева В.Б., Абрамова С.В., Павлов А.А. и др. Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): Потенциал, тенденции, перспективы. Новосибирск: Наука, 2000. 273 с.
24. Тованцова Е.Н., Кашина А.А. Социокультурная и этнонациональная идентификация патриотизма в контексте современных глобализационных процессов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 9 (160). С. 141–145.
25. Томаска А.Г. Особенности идентичностей населения Республики Саха (Якутия) // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 37–50. DOI: <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-4/37-50>

26. Щукина Р.И., Вяткина Н.В. Региональный патриотизм как фактор развития территории // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 3 (93). С. 103–109.
27. Бреславский А.С. Территориальное общественное самоуправление в современной Бурятии: условия устойчивого развития // Крестьяноведение. 2021. Т. 6. № 2. С. 79–98.
28. Куличенко М.И. Расцвет и сближение наций в СССР. Москва: Издательство «Мысль», 1981. 444 с.
29. Маклашова Е.Г. Укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей в системе общественной оценки социального положения населения (на материале Якутии) // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 12 (186). С. 66–79.
30. Мартыанов В.С. Политический проект модерна. От мироэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире. Москва: РОССПЭН, 2010. 359 с.
31. Филиппова Е.И. Территории идентичности в современной Франции. Москва: ФГНУ «Росинформагротех», 2010. 300 с.
32. Михалев М.С. Великий восточный лимитроф: трансграничные народы в государственной политике России и Китая. Москва: ИДВ РАН, 2022. 295 с.

References

1. Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2016, 416 p. (In Russ.)
2. Wallerstein I. *After Liberalism*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003, 256 p. (In Russ.)
3. Beck U. *Cosmopolitan Vision*. Moscow, Tsentr issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva Publ., 2008, 340 p. (In Russ.)
4. Dunn J. *Western Political Theory in the Face of the Future*. Cambridge University Press, 1979, 120 p.
5. Brubaker R. In the Name of the Nation: Reflections on Nationalism and Patriotism. In: *Myths and Misconceptions in the Study of Empire and Nationalism*. Moscow, Novoe Izdatelstvo Publ., 2010, pp. 110–130. (In Russ.)
6. Struve P.B. Great Russia and Holy Russia. *Russkaya mysl'*, 1914, vol. 12, pp. 176–180.
7. Golovnev A.V. Multinationality of Russia: A View from the North. *Etnografika*, 2022, no. 4 (18). Pp. 6–32. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-6-32](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-6-32)
8. Tishkov V.A. *The Nation of Nations: On Approaches to Understanding Russia*. Moscow, IEA RAS Publ., 2023, 69 p. (In Russ.)
9. Miller A.I. *Nation or the Power of Myth*. Saint Petersburg, EUSP Publ., 2016, 146 p. (In Russ.)
10. Martianov V.S., Rudenko V.N. The Magic of the White Progressor: From Global Cargo Cult to a New Political Normality. *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, 2022, no. 1 (104), pp. 24–49. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-24-49>
11. Kozlovskiy V.V., ed. *Russian Society: Architectonics of Civilizational Development*. Moscow, Saint Petersburg, FCTAS RAS Publ., 2021, 340 p. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-375-1.2021>
12. Drobijeva L.M. The Russian and Other Ethnic Identities: Compatibility or Otherwise. *Rossiya reformiruyushchayasya*, 2002, no. 2, pp. 213–244.
13. Arutyunyan Yu.V. Russians: Problems of National-Civil Identity Formation in the Light of Ethno-sociological Data. *Social Sciences and Contemporary World*, 2009, no. 4, pp. 91–97.
14. Ssorin-Chaikov N.V. Hobbes in Siberia: On the Social Life of the State. *Sociology of Power*, 2012, no. 4–5, pp. 155–187
15. Slezkin Yu.L. *Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North*. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2008, 512 p. (In Russ.)
16. Dameshek L.M., Dameshek I.L. National Outskirts in the System of Internal Policy of the Russian Autocracy of the XVI–XX Centuries. In: *Asian Russia: Problems of Socio-Economic, Demographic and Cultural Development (XVII–XXI Centuries): Proc. of the Intern. Sci. Conf.* Novosibirsk, Parallel Publ., 2017, pp. 381–387.
17. Borisov A.A. Historical and Demographic Problems of the National Outskirts of the Russian Empire in the 17th — Early 19th Centuries. In: *Northeast Siberia in the Context of Russian History. XVII–XX*

- Centuries: Proc. of the All-Russ. Sci. Conf. Dedicated to the 75th Anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor V.N. Ivanov.* Yakutsk, Prodizayn Publ., 2012, pp. 54–61.
18. Nefedkin A.K. *Military Affairs of the Chukchi (Mid-17th—Early 20th Centuries)*. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2003, 352 p. (In Russ.)
 19. Anderson D. G. *Tundroviki: The Ecology and Identity of the Taimyr Evenkis and Dolgans*. Novosibirsk, SB RAS Publ., 1998, 272 p. (In Russ.)
 20. Maklashova E.G., Osipova O.V. State National Policy in Conditions of Russian Ethnic Federalism: Sociological Cross-Section (Case Study of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Theory and Practice of Social Development*, 2015, no. 12, pp. 28–34.
 21. Drobizheva L.M. Russian, Ethnic, Regional Identity: Longitudinal Study of 1993–2012 Years. *Bulletin Russian Foundation for the Humanities*, 2014, no. 2 (75), pp. 71–83.
 22. Luchsheva L.V. Identity and Self-Consciousness of the Russians of the Republic of Tatarstan. In: *Ethnosociology in Russia: Scientific Potential in the Process of Integration of a Multiethnic Community: Proc. of the Intern. Sci. and Pract. Conf.* Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 221–226.
 23. Ignateva V.B., Abramova S.V., Pavlov A.A., et al. *Ethnosocial Development of the Republic of Sakha (Yakutia): Potential, Trends, Prospects*. Novosibirsk, Nauka Publ., 2000, 273 p. (In Russ.)
 24. Tovanchova E.N., Kashina A.A. Socio-Cultural and Ethno-National Identification of Patriotism in the Context of Modern Globalization Processes. *Science and Education: Economy and Financial Economy; Entrepreneurship; Law and Management*, 2023, no. 9 (160), pp. 141–145.
 25. Tomaska A.G. The Republic of Sakha (Yakutia) Population Identities. *Herald of Anthropology*, 2023, no. 4, pp. 37–50. DOI: <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-4/37-50>
 26. Shchukina R.I., Vyatkina N.V. Regional Patriotism as a Factor of Territorial Development. *Bulletin of Prikamskiy Social Institute*, 2022, no. 3 (93), pp. 103–109.
 27. Breslavsky A.S. Territorial Public Self-Government in Contemporary Buryatia: Factors of Sustainable Development. *Russian Peasant Studies*, 2021, vol. 6, no. 2, pp. 79–98.
 28. Kulichenko M.I. *The Rise and Rapprochement of Nations in the USSR*. Moscow, Mysl Publ., 1981, 444 p. (In Russ.)
 29. Maklashova E.G. Strengthening Traditional Spiritual and Moral Values in the System of Public Assessment of the Social Position of the People (Based on Yakutia's Material). *Etnosocium (Multinational Society)*, 2023, no. 12 (186), pp. 66–79.
 30. Martianov V.S. *Political Project of Modernity. From World Economy to World Politics: Russia's Strategy in a Globalising World*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 359 p. (In Russ.)
 31. Filippova E.I. *Territories of Identity in Modern France*. Moscow, Rosinformagrotekh Publ., 2010, 300 p. (In Russ.)
 32. Mikhalev M.S. *Great Eastern Limitrof: Transboundary Peoples in the State Policy of Russia and China*. Moscow, IFES RAS Publ., 2022, 295 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.06.2024; одобрена после рецензирования 04.07.2024;
принята к публикации 02.08.2024

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов